

Ант Скаландис
Сергей Сидоров
Мышуйские хроники (сборник)

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158644

Аннотация

Чудеса в Мышуйске – дело обыденное. Снежный человек, говорящий скелет, молодильные ягоды, замедлитель времени, скатерть-антисамобранка, зубная щетка со встроенным будильником, метод высушивания промокших бубликов... Чучело из космического пришельца делают тут с детской непосредственностью, а инопланетную валторну лишают волшебного голоса не со зла, а по простоте душевной.

Текст сборника представлен в авторской редакции. Читателям сборник знаком по аудиоверсии, в книжном варианте не издавался.

Содержание

ЛЫЖНЯ	4
ПОДЪЕЗД	18
ЮННАТ	31
АНТИШАПКА	41
РОДОСЛОВНАЯ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ант Скаландис, Сергей Сидоров МЫШУЙСКИЕ ХРОНИКИ ЛЫЖНЯ

Каждую зиму я хотя бы раз отправляюсь в поход на два-три дня. В одиночку. Такая традиция. Люблю поразмышлять, скользя по снегу, о всяких проблемах – домашних, научных, словом – о жизни. Только в лесу и удастся спокойно подумать, чтобы никто не отвлекал.

А лыжи у меня отличные: пластиковые, легкие, с современными безопасными креплениями, никакого смоления и смазки, понятное дело, не требуют. Вообще, к хорошим лыжам я всегда был неравнодушен, вот и теперь решил на этом не экономить. Однажды плюнул на все, сказал: «Могу себе позволить!» И купил настоящие, австрийские, почти профессиональные. Фирму называть не стану, чтобы лишний раз не выпендриваться. Но замечу, что и палки к ним, взял родные: тонкие, прочные, потрясающе удобные.

Зимний поход – дело серьезное. Тут каждая мелочь важна. Одежда, например, должна быть легкой, но теплой. А в маленький рюкзак я прежде всего кладу небольшую палатку

– нечто среднее между спальным мешком и стандартной туристической одноместкой, потом – минимальный запас еды на весь срок и огромный серебристый термос (любимый, китайский, лет двадцать ему, наверно) с крепким сладким чаем. Хотите верьте, хотите – нет, но чай и на третий день еще бывает горячим.

На этот раз мне удалось урвать в конторе целых пять дней без серьезных потерь для отношений с начальством. Договорился. Деньги-то платят смешные, а на работу приходи каждый день. Какие уж тут успехи в труде!.. И счастье в личной жизни. Кстати, о личной жизни. Почему я до сих пор не женат? Не знаю. Ведь стукнуло уже тридцать три – возраст Христа. Так вот помрешь ненароком, и на том свете вспомнить нечего будет. В науке – сплошь рутина никому не нужная, в быту – приятели с поразительным упорством уговаривают выпить водки, книжки попадают одна скучнее другой, и в разных постелях разные девки одинаково глупо хихикают... Да уж, на небе, в день Страшного Суда только и вспомню, что эту прямую, как штык, лыжную, рассекшую надвое бело-снежное озеро зимнего луга.

В общем, братцы, от традиции своей я никогда не откажусь. Это – святое. Разве лишь в одном рискнул себе изменить: отправился в новое место. Ребята подсказали, бывшие друзья-спортсмены. От вокзала всего тридцать пять минут, а просторы, говорят, дивные, сказочные: поля, перелески, овраги, пологие подъемы и спуски.

Тридцать пять минут на поверку обернулись добрым часом, если не больше, утомительно противной тряски. В электричке с повсеместно выбитыми окнами удовольствие это было ниже среднего. Жуткая оказалась электричка. Три вагона прошел, и во всех без исключения от сидений одни лишь каркасы торчат. В четвертом начали попадаться сохранившиеся в целости скамейки, но я ж не один в том поезде ехал. Другие, более ушлые граждане, успели сыграть в игру для пассажиров с детьми и инвалидов. А несколько свободных мест, замеченных мною еще издалека, оказались, разукрашены цветистыми лужами заledenевшей блевотины. Ну, понятно, понедельник — день тяжелый.

В итоге я всю дорогу простоял в тамбуре. Когда из города, наконец, выползли, пейзаж за окном начал радовать глаз. День разгуливался. Электричка, скрипевшая, громыхавшая, еле тянувшая, готовая умереть каждую минуту, теперь, словно отогрелась на солнышке и побежала быстрее, быстрее — навстречу зеленым елкам, морозцу и искрящемуся снегу.

Станция, точнее просто платформа называлась странно: Выбор. Конечно, если учесть, что в коллекции экзотическим подмосковных топонимов существуют Правда, Серп и Молот, Красный Слон, Эммаус и даже местечко с дивным названием Льва Толстого (не Лев Толстой, а именно Льва Толстого), то Выбор звучит вполне буднично, не хитрее какого-нибудь там Лося. И когда мне объясняли, что ехать надо до Выбора, я даже не вдумался в смысл названия, но теперь, гля-

дя на перронную табличку, невольно вздрогнул. Какой еще, к чертям собачьим, выбор? Может, тут при советской власти депутатов Верховного Совета СССР выбирали, а потом в перестроечном бардаке просто потеряли букву «Ы»? Ну, да ладно.

На платформе пустовато было: не Раздоры вам и не Подрезково, но с другой стороны, для понедельника десятки лыжников-фанатов – это совсем не мало. Впрочем, что такое понедельник в наше время? Люди уже давно работают не по будням, а отдыхают не по праздникам... И о чем это я вообще? Разве мне нужны люди? Я ведь собирался размышлять о жизни и смерти, о судьбе, о вечном. И главное – чтобы не мешали. Хотя, конечно, по целине на моем пижонском пластике... извините! Лыжня – это братцы великая вещь. В ней-то все и удовольствие. А лыжню люди прокладывают. Будь они не ладны. Вот такая диалектика.

Не люблю рвать с самого начала. Разогреться, раскатываться следует постепенно. Я всегда считал себя стайером, а не спринтером, и в спорте, и вообще – по натуре. А в тот раз и вовсе торопиться не хотел. Запрограммировался на три дня похода, да еще в запасе было два. Какой запас, зачем? Странная мысль, правда? В поселок я, что ли, идти собирался за отсыревшими сухарями и общепитовским чаем? Или предполагал без еды и воды чесать себе дальше? И то и другое – глупость, сопливая романтика. Но я вдруг понял: хочу

заблудиться. Заблудиться, замерзнуть и умереть. Как будто я в канадской тундре или сибирской тайге. В наших-то краях только псих заблудится... Во куда мысли о вечном завести могут!

А из-за спины кричали: «Лыжню!» Поначалу весьма часто, потом все реже и реже. Быстроногие спринтеры – ранние пташки, на одной электричке со мною приехали. Схлынула их волна, умчалась в даль, задернутую снеговой пылью, и все – тихо вокруг. Ведь следом только пенсионеры и дети потянулись, но они-то остались далеко позади.

Я медленно, но упорно развивал свой обычный средний темп, от которого и получал максимум удовольствия. А день-то, день-то выдался! Ну, просто по заказу. Снег – точно россыпь бриллиантов, небо – голубое-голубое, как над черным морем в мае, елки сверкают, словно изумрудные, а с ветки на ветку краснопузыре снегири перепрыгивают, ни дать ни взять, танцуют, того и гляди соловьями запоют.

Вот в таком настроении и подошел я к тому самому повороту.

А поворот был так – ничего особенного. Ни тебе указателей, ни красот каких-то потрясающих, только лыжня уж больно хороша. Будто по ней не любители бегали, а специалисты высочайшего уровня под олимпийскую трассу накачивали, как это делалось в далекую теперь эпоху традиционного стиля, в те времена, когда великий швед Гунде Сван еще не заразил весь мир своим корявым коньковым шагом.

Ох, как хороша была лыжня! Уж больно хороша. Не мог я на нее не свернуть. Впрочем, на всякий случай огляделся. Спросить у завсегдатаев, куда ведет дорога – никогда не лишнее. Вдруг, например, через полкилометра меня ожидает какая-нибудь ведомственная спортивная база за высоким забором и больше никаких чудес. Скучно возвращаться назад, когда на долгий маршрут настроился.

Однако впереди за густой россыпью пушистых елок ждал меня лишь чудесный спуск в низину, долгий и ровный. Ветер свистел в ушах, мороз пощипывал кожу, разогретые мышцы работали с наслаждением. И когда лыжня снова вышла на горизонталь, даже начался небольшой «тягунок», я как будто и не заметил этого. Все молотил и молотил в прежнем темпе и с прежней не иссякающей радостью, словно заведенный. Давно уже не было мне так хорошо. Разве только в детстве...

К обеду я отмахал весьма приличное расстояние. По самым осторожным прикидкам километров двадцать, не меньше, и за весь путь не встретил ни единой живой души. Ни прямо по курсу, ни за спиной – нигде. И пейзаж практически не менялся. Поля, перелески, снег, елочки. И лыжня – прямая, четкая и такая же гладкая, как фирменный пластик моих лыж. Вертелись, конечно, в голове недоуменные вопросы типа: что это? Полигон артиллерийской части? Заповедник? Президентское охотхозяйство? Стратегический объект спецназначения? Но мысли толкали друг дружку легко, весело. Не хотелось ни о чем думать всерьез. Через шлагбау-

мы я не прыгал? Не прыгал. Под колючую проволоку тоже не подлезал. И в конце-то концов, я свободный гражданин свободной страны. Реализую свое конституционное право на отдых. Мне было хорошо, и я бежал.

Это была моя лыжня. Моя собственная. Так я чувствовал.

На закате пришла усталость. Я приглядел высоченную ель и под ее широкими, мохнатыми лапами устроился на ночлег. Плотно поужинал – аппетит был зверский, – улегся поудобнее в своей уютной конуре и, защищенный от ветра и посторонних глаз (интересно, чьих?), крепко уснул. Так крепко, что даже не видел снов.

Следующий день начался безмятежно. С кружки горячего чая и бутерброда. А выбравшись из лесного массива на свободное пространство, занесенное еще более чистым, чем накануне, кристально-чистым снегом, я вдруг остановился в нерешительности. Необозримое белое пространство пугало своей величественной пустотой. Ни дорог, ни зданий вдалеке, ни даже мачт высоковольтки. Только лес за спиной чернеет. Где я? В казахстанской степи, в Гренландии, на Южном полюсе? Новый день выдался не таким лучезарным, солнце светило сквозь морозную дымку, небо казалось выцветшим, почти белым. Так и до снежной слепоты недалеко! А лыжня, убегая вперед и немного вниз, все несет и несет меня в эту белую бесконечность.

Сразу захотелось свернуть. Просто из упрямства. Не сто-

ит и объяснять, как быстро я понял всю нелепость своего поступка: в рыхлом снегу, среди недавно наметенных сугробов ноги вместе с лыжами проваливались едва ли не по колено. Зато по лыжне бежалось еще лучше, чем давеча. Коньки по льду так не скользят, как я скользил по этим двум отполированным полоскам.

«Не гони волну, Шарыгин, – сказал я себе. – Чудес не бывает. Уже к обеду ты выйдешь к какому-нибудь грязному городишке, выстроенному вокруг закопченной кирпичной фабрики, и там будет автобус, и скучные замерзшие люди, и желто-серый снег под колесами...»

«Нет», – подумал я, отвечая самому себе и непонятно против чего возражая. Какая-то неведомая сила заставила упереть палки в снег и сделать остановку. Машинально наклонившись и сняв перчатку, я потрогал лыжню.

Плотный, укатанный снег был теплым и не таял под рукою.

Я надавил сильнее. Ледяная корка треснула, подушечки пальцев обожгло морозным рассыпчатым снежком. Ф-фу! Примерещится же такое! Что за чушь?

Чушь не чушь, а я все-таки крутанул на сто восемьдесят градусов и пошел назад. «Лучше возвратиться на основную трассу, чем двигаться в неизвестность, – такая мысль показалась наиболее логичной. – Что за мальчишество, в конце концов – лезть напролом в какую-то запретную зону?!»

Но я сумел дойти лишь до леса. Лыжня кончалась ровно в

том месте, где вчера я разбивал палатку на ночлег. Нормальный следопыт мог сделать только один вывод из этого милого зрелища: лыжник несколько дней сидел на дереве, а потом спустился с него и пошел. Даже если бы всю ночь валил снег, он не мог засыпать лыжню лишь с одной стороны. Загадка? Да какая там загадка! Просто руководство к действию: иди вперед, Шарыгин!

И я пошел.

К вечеру на моем пути снова вырос лес и я снова заночевал под высокой елью. Второй попытки идти назад предпринимать уже не хотелось. Умом-то я понимал, что по-хорошему должен уйти в сторону. Безо всякой лыжни, чего бы это не стоило. Должен дойти до ближайшего населенного пункта, а там сообщить в отделение милиции, какие здесь странные вещи творятся... Стоп, стоп, какая милиция? Ведь это же верная дорога в психушку. И вообще, если честно, я не хотел по-хорошему. Логика ушла на второй план. На первом было другое. Лыжня бросала мне вызов, и я принял его. Собственно, я принял его сразу, только сначала не догадывался об этом. А теперь готов был сражаться до конца.

Обычно в трехдневном походе на второй ночевке я доедал поутру последние бутерброды, оставляя на обратный путь только чай. Идти легче и домой приятнее возвращаться с волчьим аппетитом. На сей раз неведомый внутренний голос подсказывал, что провиант следует растянуть на более дол-

гий срок. Внутренний голос не ошибся. На этой лыжне мне суждена была и третья ночевка.

После которой я начал ненавидеть лыжню.

Да, я правильно догадался: она была моя, моя собственная. Вот только некий вселенский шутник переставил все с ног на голову: не лыжня – моя собственность, а я – собственность лыжни. Она элементарно диктовала мне свои условия. И я был вынужден продолжать игру по правилам, с которыми меня никто не удосужился познакомить.

Размышлять о вечном стало теперь особенно интересно. Мир сузился до двух параллельных полосок на бескрайнем поле белизны. Ничего другого просто не существовало. Моя научная карьера? Так ведь это тоже лыжня. Прямая, гладкая, скучная до оскомины. Мои женщины? Так каждая из них была просто лыжней, которую я использовал, чтобы достичь финиша и благополучно забыть мимолетную радость приятного скольжения. Зато эта, новая лыжня как будто мстила мне за всех предыдущих. Да, именно за всех, а не за все. Я думал о лыжне, как о живом существе. Я думал о лыжне. А она вела меня. И целый день я бубнил себе под нос: «Параллельные прямые пересекаются в бесконечности».

На четвертый день стало голодно и грустно. На пятый закончился чай. На шестой сделалось просто тяжело. На седьмой – невыносимо тяжело. Наверно, я уже не мог идти самостоятельно, но лыжня вела. Она ухватывала за шероховатый

фирменный пластик и дергала вперед поочередно правую и левую ногу, а я лишь безвольно переставлял палки одеревеневшими руками. Собственно, это был уже не я.

В какой-то момент я напряг память и попытался вспомнить, какой же это добрый человек посоветовал мне поехать именно сюда. Вот вернусь и оторву ему голову в порядке благодарности. Вспоминать было трудно, очень трудно, но я все-таки сумел это сделать. Из глубин заснеженного мозга выплыли два имени, которых я ни разу в жизни не слышал – Иннокентий Глыба и Парфен Семечкин. Да, это именно они подсказали мне станцию Выбор. Но я готов был поклясться, что впервые слышу их имена и фамилии. Впервые слышу. От самого себя.

Захотелось тут же упасть и заснуть посреди поля, но я все-таки дотянул до леса и как исправный автомат выполнил все необходимые действия, готовясь к ночлегу. «Слава богу, – думал я, засыпая, – мороз ослабел».

А на утро восьмого дня ощутил небывалый прилив бодрости и свежей спортивной злости. Насчет восьмого дня уверенности не было, я давно мог сбиться со счета, просто накануне вертелась в голове старая битловская песенка: «Eight days a week/ I love you, love you, love you!...» «Восемь дней в неделю я люблю тебя, люблю тебя, люблю!...» И я снова любил эту лыжню. И пошел быстрее. Куда? К той самой точке, где пересекаются параллельные прямые? Или к собственной смерти? Да нет же! Просто к финишу. Я не знал, насколько

меня хватит. Это было неважно, потому что я не собирался сдаваться.

В жизни, как правило, происходит именно то, чего совсем не ждешь. Шум раздался из-за спины – низкий, глухой и невнятный, как раскаты дальнего грома или рокот прибоя. Я оглянулся. Метрах в трехстах позади меня шли люди. Они приближались цепью, каждый по своей лыжне, но палки взлетали синхронно, как по команде, а могучие ноги настоящих спортсменов за каждый шаг продвигались на полдесятка метров.

Скорее всего это была галлюцинация. Шутка ли, столько дней в пустоте и тишине! Но я не мог позволить обойти себя даже галлюцинациям. Это была моя, шарыгинская лыжня, я должен был покорить ее первым. И я прибавил. Я очень сильно прибавил в темпе, даже оглядываться стало некогда. Шум делался все тише, тише, и вот уже снова – только ветер свистит в ушах.

А потом все закончилось. Поперек лыжни была натянута яркая полосатая ленточка, и я разорвал ее грудью. В тот же миг десятки людей окружили меня. Кто-то протягивал стакан с горячим кофе, кто-то набрасывал плед, кто-то совал прямо в лицо мягкий поролоновый шарик микрофона, сверкали фотовспышки, видеокамеры вылуплялись на меня большими стеклянными глазами с синеватым отливом.

Непонятно как, я оказался на пьедестале, тяжелый лавровый венок натирал шею, большая золотая медаль ослепительно сверкала несмотря на пасмурную погоду. «Суета сует», – думал я, косясь на медаль и улыбаясь из последних сил. Странная там была надпись: «Чемпион зимней спартакиады города Мышуйска». А впрочем, чего ж тут странного, если это мой родной город?..

Из толпы вдруг выскочила сказочно красивая девушка. Таких красивых я еще никогда в жизни не видел. Но уже в следующую секунду понял, что ее лицо мне знакомо. Некогда было подумать над еще одним противоречием. Девушка подлетела с криком «Молодец, Мишка!», крепко обняла, расцеловала, потом сняла с себя безразмерную пуховую куртку и со словами «Замерзнешь, дурачок!» накинула ее на мои плечи. Невозможно было представить себе что-нибудь теплее этой куртки! И я тут же вспомнил, что девушку зовут Аня, что она у меня единственная и что я люблю ее.

– Пошли, – сказала Аня.

Я улыбнулся ей, согласно кивнул, взял за руку. И вот тогда смутное подозрение внезапной тоненькой болью кольнуло в самое сердце.

– погоди, я должен вернуться.

– Куда? – не поняла Аня.

Но я уже бежал по утоптанному снегу в ту самую сторону, откуда пришел. Все мои соперники к этому моменту давно закончили дистанцию, корреспонденты и зрители разо-

шлись, только по следам от лыж и можно было разобрать, где именно заканчивалась трасса. Я еще раз пересек линию финиша – теперь с другой стороны – и замер в недоумении.

Анюта стояла рядом. Она сочувственно и нежно гладила меня по щеке своею теплой ладошкой.

Нет, я не плакал. Я просто все смотрел и смотрел в безбрежную белую даль.

Не было там никакой лыжни. Вообще никакой.

Лыжня исчезла.

ПОДЪЕЗД

Большинство подъездов в девятиэтажках Мышуйска ничем друг от друга не отличаются. Собственно до такой степени не отличаются, что некоторые граждане, особенно по темноте и после пяти-шести кружочек пива заходят не в свои дома, да так и остаются до утра на лестнице, если какой добрый человек не пустит по знакомству в свою квартиру. Не мудрено, что при этом парадные двери все покорежены, стекла в них и на межэтажных площадках разбиты, лифты работают одышливо и натужно, лампочки не горят совсем. Под нижним лестничным маршем подсыхает как минимум одна дежурная кучка, лужи известного происхождения (впрочем, и неизвестного – тоже) можно встретить на любой высоте над уровнем земли, почтовые ящики раскурочены вдреизг, местами обуглены, а стены снизу доверху обильно усеяны доморощенными граффити, выполненными не столько в современной технике аэрозольного баллончика, сколько в более традиционной – углем, кирпичом, мелом, калом и всякой прочей дрянью, попавшей под руку.

Мышуйцы давно привыкли к подобному положению дел, примирились, притерпелись – до подъездов ли им, когда цены растут, погода скверная, дети-оболтусы жрут в три горла, и как от аванса до зарплаты дожить, не перезаняв десятку-другую, мало кто себе представляет. Зато в квартирах у

горожан чистенько и красиво. Да, никто особо не шикует, импортной техникой здесь все углы не забивают, но мыть полы, подновлять обои и время от времени белить потолки считается хорошим тоном. А уж про окна никто и не говорит – их в Мышуйске моют не только весной и осенью, но и еще раза четыре в году, как минимум. Лучший комплимент хозяину – это войти в дом и спросить: «Ой! У вас что, стекло вылетело?» «Нет, – ответят вам, с пониманием улыбаясь, – это мы как раз вчера помыли!»

Конечно, встречаются среди жителей города и неряхи, но это скорее исключение, а большинство все-таки очень любит, чтобы дома было все прибрано и изящно расставлено.

Образцовой аккуратностью отличалась и семья Бертолаевых – Акулина, муж ее Прохор, трое детишек – Гаврик, Маврик и Настенька, да еще крупный пес дворянского звания по кличке Мопс. К модной нынче мелкой породе со сплюснутой мордой это благородное животное никакого отношения не имеет. Мопс – это просто сокращение от красивого имени Мопассан.

Акулина в тот вечер возвращалась с работы из родной поликлиники и уставшая от непрерывной ругани в регистратуре (что за день такой выдался?) с брезгливым раздражением представляла себе, как станет подниматься на свой восьмой этаж без лифта с тяжелой сумкой, перешагивая в неверном свете уличных фонарей через вывернутую на ступени помойку, через невиданно большое количество экскрементов.

тов, а главное через ужасные ошметки разодранной кем-то накануне собаки. В таком чудовищном состоянии их подъезд и лестница пребывали, пожалуй, впервые, и у Бертолаевой мелькнула даже странная мысль, уж не помыть ли лестницу хотя бы перед своей дверью. И не позвонить ли, наконец, в «Лифтремонт». Темнело по осеннему рано, погода выдалась сырой и ветреной. С продувного проспекта Летчиков Победителей Акулина свернула на тихую улицу Подзаборную и с радостью отметила, что фонари на ней хоть и через один, но пока еще горят. А вот и дом номер 28, то есть их дом... Каково же было ее удивление, когда обнаружилось, что весь первый подъезд сияет огнями, как новогодняя елка. «Неужели и лифт починили?» – боясь поверить, спросила сама себя Акулина.

Но оказалось, не только лифт.

Подъезд и внутри и снаружи сиял чистотой, словно офис коммерческого банка. Свежеокрашенная дверь улыбалась новыми никелированными ручками, исчезла куда-то вся грязь, все надписи, даже порезы на перилах и выщерблины на бетонных ступенях. Не хватало разве что ковровых дорожек, прижатых надраенными до солнечного блеска бронзовыми прутьями, и огромной хрустальной люстры, свисающей с потолка. Но стоило прикрыть глаза на секундочку, и все это великолепие возникало перед мысленным взором в мельчайших подробностях. А, открыв глаза, Акулина ни сколько бы не удивилась, лицезрея вновь привычную грязь

и разруху. Но нет! Чудеса дворцовые, конечно, примерещились, но аккуратность во всем была идеальная. Лифт медсестра Берталаева вызвала, заглянула туда, ахнула, с удивлением ощутила запах приятного дезодоранта, а потом в полной ошарашенности, забыв про набитую сумку в затекшей руке, поднялась наверх пешком. И все еще не могла поверить, что ремонт сделали за один день на всех этажах. Берталаев встретил ее веселый и благостный, дети, которых никто не заставлял делать уроки, тоже верещали наперебой радостными голосами.

«Принял уже, мерзавец! – подумала Акулина, – С чего бы это?»

Но подумала как-то беззлобно и вслух ничего не сказала. А Прохор сам начал:

– Линушка, у нас же праздник сегодня!

«И точно: праздник», – подумала она, но на всякий случай спросила:

– Какой праздник?

– Дак ведь на заводе полувековой юбилей отмечали нашего пробочно-крышечного цеха. С обеда всех домой отпустили.

– А-а, – протянула Акулина. – Ну, давай тогда уж и вместе за ужином по рюмочке нальем. Анисовую-то из холодильника не выжрал еще, троглодит?

– Нет, только чуть-чуть отпил, – честно признался Прохор, сраженный такой благосклонностью.

Ну, а разомлев после еды с водочкой и оставив детей у телевизора смотреть мультяшки («Какие уроки, мать? Заработалась совсем – суббота завтра!»), вышли они вдвоем покурить на лестницу.

– Видал? – спросила Акулина.

И сразу поняла, что Прохор еще ничего не видал. Он вертел по сторонам головою и трезвел на глазах.

– Ничего себе! Когда ж они успели?

Прохор четко помнил, что с завода возвращались они вместе с Родионом, а Родион нажрался, как свинья, наверх ему очень тяжело было идти, настолько тяжело, что между пятым и шестым этажами, споткнувшись о разодранную собаку, Родька, бедный, упал, растянулся, потом встал все-таки, с усилием хватаясь за перила и вот тут уже начал блевать. А после, как водится, оклемался чуть-чуть и заявил, что в гости к Бертолаеву не пойдет, уж лучше домой – спать. На том они и расстались. А дальше Прохору почудилось, что он вот так сразу и оказался дома на диване. Ни как шел, ни как дверь открывал и раздевался, вспомнить не мог. Ну, что поделать, бывает! Хотя вроде и не столько выпил... Ну а потом проснулся, хлебнул чуть-чуть анисовой – тут как раз Акулинушка и пришла.

История как история. Вполне обычная, если б только не подъезд...

Бросили они окурки под ноги и пошли обратно к столу доедать салат и кильку в томате, да чайник ставить, но, едва

закрыв дверь, не сговариваясь исполнили команду «кругом» и снова выскочили на лестничную клетку. «Ох, негоже в подобной чистоте мусор оставлять!» – подумали оба одновременно. Подошли к идеально чистой крышке мусоропровода, обшарили глазами все вокруг – нет окурков, словно сами собой исчезли. А ведь не было тут никого, не было, пять секунд же прошло, ей богу!

Прохор помрачнел и проговорил:

– Ну все, еще по маленькой и на боковую, а то и до белой горячки недалеко!

Однако на следующий день «белая горячка» охватила все тридцать шесть квартир подъезда. Жители, почуяв неладное, пустились во все тяжкие. Кто-то, мальчишки, наверно, специально разбил пару стекол камнями, другие накидали мусора, перепачкали стены и даже потолки, исцарапали кабину лифта, а лампочки повыкручивали все до единой и растащили по домам. Но победить подъезд не удалось ни в субботу, ни в воскресенье. По ночам брошенные бутылки, бумажки и плевки словно всасывались в пол, надписи со стен буквально испарялись (так чисто не отмоешь, только если по новой закрашивать), окна зарастали новыми стеклами, словно ранка молодой кожицей, лифт, гладенький и блестящий продолжал работать совершенно бесшумно, а лампочки, едва ли не ярче предыдущих появлялись из ниоткуда в полном комплекте.

Мышуцы призадумались, готовые сдать.

Дольше других держался местный Пикассо – семнадцатилетний рокер и бузотер Леха Сизов, он же Сизый. С привычкой разрисовывать стены расставаться он не желал категорически, но в отличие от многих сверстников-хулиганов, для которых главным был процесс, Леха ценил результаты своей деятельности и считал их достойными если не Лувра, то уж Мышуйского музея народного творчества определенно. За что и прозван был не только простецкой кликухой, но и гордым именем великого испанца. В общем, Сизый превзошел самого себя в художественности написания любимых лозунгов. Вооружившись тремя баллончиками яркой краски, он подарил миру три сентенции, далекие от понимания среднего мышуйца: «Даешь свободу куртуазному постмодернизму!» «Стэн+Хавронья=либидо» и «I love rap. I'm goat»¹. Надписи, разумеется, исчезли без следа в течение ближайшей ночи. Сизый завелся и, потихоньку выскользнув из квартиры, когда родители уже спали, тщательно разрисовал стены с первого по восьмой этаж. На свой девятый не пошел, потому что намерен был дежурить возле росписей ночь напролет, а под собственной дверью сидеть не хотелось. Лозунги и абстрактные фигуры получились на этот раз еще эффектнее прежних, Сизый просто обязан был подкараулить поганца, упорно уничтожавшего эти произведения искусства. Но, видно, под утро паренька все-таки сморило, на каких-нибудь пятнадцать минут, не больше, и когда он пробудился

¹ Я люблю рэп. Я козел.

от неудобной позы, стена перед ним была уже идеальной чистой. Вниз не стоило и ходить, но Леха все-таки спустился до самой внешней двери – ровной, чистой, нетронутой, плотно закрытой – и разозлился окончательно. «Перехитрил, проклятый чистильщик! – кипел внутри Сизый. – Ну, держись, дружок, сейчас я такое изображу, что сюда телевидение придет! Разрисую весь дом снаружи, насколько краски хватит!»

Выбежал горе-Пикассо на улицу, готовый к бою не на жизнь, а на смерть, да и замер как вкопанный, едва обернулся на родимый подъезд.

Его опередили. Прямо над дверью по кафельной стенке тянулась нереально четкая огненно-красная надпись: «ТОВАРИЩИ ЖИЛЬЦЫ! БУДЬТЕ АККУРАТНЫ И ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫ. СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ И ПОРЯДОК. СПАСИБО. ПОДЪЕЗД.»

«Что значит – подъезд? В каком это смысле – подъезд?» – недоумевал Сизый.

А рядом с ним, оказывается, уже стоял сосед – Парфен Семечкин, чудаковатый спортсмен из городской лыжной команды. Длинный, нескладный, сутуловатый, он близоруко щурился и выглядел совершенно растерянным. Леха иногда подумывал, что годам к тридцати тоже будет *крутым* спортсменом, его это по-настоящему *прикалывало*, вот только *стремался* юноша сделаться таким же горбатым и слепым.

– Вы что-нибудь понимаете, Парфен Геннадиевич? – дуруя от собственной вежливости, поинтересовался Сизый.

– Ровным счетом ничего! – бросил Парфен уже на ходу, он спешил на работу.

Оставшись снова один, Сизый воровато огляделся и сладострастно залил густым слоем краски проклятую надпись, сделанную конкурирующей фирмой. Потом из всех сил хлопнул дверь, в надежде разбить ее, и отправился домой спать.

Следующей выходила из подъезда жилища со второго этажа бабка Дуся по прозвищу Балкониха. Бабка эта днями напролет сидела на балконе, и зорко выхватывая взглядом интересные события, а чутким ухом ловя обрывки разговоров, формировала в голове целые штабеля компромата на всех соседей по микрорайону. При этом в свои семьдесят пять здоровье имела недюжинное и была одной из тех немногих, кто время от времени брался за уборку подъезда. Росписи на стенах ненавидела она люто, за Лехой Сизовым гонялась лично и не первый год, а для мытья стен применяла не только мыльную воду, но и всевозможные растворители.

– Опять каракули! – всплеснула руками Балкониха, уязвленная в самое сердце высоким классом исполнения богомерзкой надписи.

Мигом возвратилась домой за ведром, щеткой и тряпкой, даже стремянку вынести не поленилась и за дело взялась всерьез. Однако уже через полчаса выяснилось, что ни керосин, ни едкая щелочь, ни даже автомобильный электро-

лит супротив ярко-красных букв бессильны, а за это время около подъезда собралась уже целая толпа. Вызвали и милицию, благо участковый дядя Гриня жил в соседнем подъезде. Одни Балконику активно поддерживали. Другие – осуждали, третьи – потребовали вытащить за ушко, да на солнышко Сизого Пикассо – по мнению большинства, он был безусловным автором нового граффити, а значит он-то и владеет секретом краски. Но несчастный парень, едва успевший заснуть, был жалок, сразу во всем сознался и от обиды едва не плакал.

Дядя Гриня состава преступления ни в чем не усмотрел и отбыл на дежурство в отделение. А народ все шумел и шумел. Никто даже не слышал, как второклассница Марфуша Палкина с четвертого этажа негромко но упорно спрашивала у всех подряд:

– А вы, *вааще-то*, прочли, что там написано?

К вечеру понедельника в подъезде, как обычно набросали рекламных листов, оберток, окурков и огрызков, меньше чем обычно, но набросали. Один довольно длинный бычок остался непотушенным. Долго тлел, от него даже загорелся ворох бумаги, и дымом пахло до самого верхнего этажа. Но спали все крепко, никто и носу не показал на лестницу. Зато на утро любимая надпись над входной дверью дополнилась новым пожеланием: «НЕ БРОСАЙТЕ ЗАЖЖЕННЫЕ ОКУРКИ! ЭТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ПОЖАРУ. СПА-

СИБО. ВАШ ПОДЪЕЗД».

Изящно добавленное слово «ваш» перечеркнуло, наконец, все сомнения. Итак, с ними разговаривал лично Подъезд, собственной персоной. Доведенный до отчаяния наплевательским отношением людей, он принялся сам за наведение порядка. Во всяком случае, именно такое незамысловатое объяснение происшедшим событиям дал известный в доме интеллигент старой закваски учитель биологии Твердомясов с шестого этажа. Понятное дело, не все ему поверили, но ведь мышуйцы такой народ – верить вообще ни во что не привыкли, привыкли дело делать. И при этом очевидные вещи – признавать, а заведомо невозможные – выкидывать из головы. Какая разница, кто у них порядок наводит: ЖЭК, господь Бог, инопланетяне или просто Подъезд. Главное, чище стало, лучше – вот и хорошо!

ЖЭК, между прочим, записал это дело себе в актив и тут же в соседних подъездах ремонт затеял – негоже, когда такой диссонанс. Из других микрорайонов приходили по обмену опытом. Потом городское начальство приезжало. Посмотрели, языками поцокали, обещали в Москву сообщить о феномене. Однако уполномоченный президента по Мышуйску товарищ Худохрунов прямо заявил, что без согласования с генералом Водоплюевым, командиром спецчасти, дислоцированной на объекте «0013» в мышуйской полутайге, никаких телеграмм в Центр отправлять не будет. В общем, спустили дело на тормозах. Тем более, что надпись пропала дав-

но, а других доказательств чудесного превращения у жителей подъезда не имелось.

Меж тем в самом доме 28 по Подзаборной улице продолжали твориться форменные чудеса: Леха Пикассо перестал разрисовывать стены и поступил в художественное училище имени Расстрела Кронштадтского мятежа. Балкониха стала собирать компромат только на чужих. Соседи же по подъезду были отныне в ее глазах родными и непогрешимыми. Вообще, все тридцать шесть квартир сдружились, как никогда. Стали вместе на субботники выходить, озеленять территорию, а потом до того дошли, что общими усилиями детскую площадку перед домом соорудили. Соседний подъезд, отремонтированный ЖЭКом по старинке, включился в соревнование и изо всех сил пытался не отставать.

Дальше – больше. Мания чистоты и порядка оказалась заразной и постепенно перекинулась на другие дома, не только на Подзаборной, но и дальше – на проспекте Летчиков Победителей.

И вот погожим весенним деньком видный общественник Твердомясов собрал всех жителей подъезда на очередной субботник, да и объявил для начала коротенький митинг. Подвел итоги отчетного периода и в заключение сказал:

– Товарищи! Мы не должны останавливаться на достигнутом. Наши успехи уже стали примером для жителей соседнего подъезда и близ расположенных домов. Это хорошо. Но этого мало. Я думаю нашему коллективу по плечу навести

порядок и во всем микрорайоне. Да что там, товарищи, давайте мыслить смелее – во всем городе!

– Ура! – дружно зашумели мышуйцы.

А Леха Сизов с молодым задором прокричал:

– А я считаю, что мы и всю Россию за собой потянем! Да что там Россия!..

Он вдруг поперхнулся, закашлялся, и в наступившей тишине все услышали тоненький голосок второклассницы Марфуши Палкиной с четвертого этажа:

– Эй! Смотрите!

И все посмотрели в ту сторону, куда показывала девочка.

Над подъездом сияла новая надпись, только теперь она была светящейся, и буквы бежали, как по экрану дисплея, красные, уверенные – они складывались вновь и вновь в одну короткую фразу:

«ПОЖАЛУЙСТА, СТАВЬТЕ ПЕРЕД СОБОЙ ТОЛЬКО РЕАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ. ВАШ ПОДЪЕЗД».

ЮННАТ

Юный натуралист Петя Чугунов к своим тринадцати годам был уже законченным исследователем. Можно сказать, естествоиспытателем. Его выдающаяся коллекция засушенных, заспиртованных, закатанных под стекло или пластик, а также выпотрошенных и набитых опилками образцов могла поразить воображение не только учителя биологии Афанасия Даниловича Твердомясова или, скажем, руководителя кружка в доме пионеров Софьи Илларионовны Пыжиковой, но и любого выдавшего виды специалиста. Свое уникальное собрание природных экспонатов Петя создавал все лето. Феноменальному успеху мальчика в немалой степени способствовало географическое положение родного Мышуйска – густые дремучие леса тянулись на многие сотни километров к востоку от затерявшегося в российской глубинке райцентра. Петя Чугунов, как и многие его сверстники, не боялся совершать вылазки в глухую чащобу в поисках очередных новинок, хотя мама с папой иной раз и ворчали, мол, в нашей *полутайге* встречаются иногда и опасные звери, даже крупные хищники. Меж тем никто из ребят крупных хищников ни разу в жизни в глаза не видел, и вера в них растаяла еще в первом классе, практически одновременно с развенчанием красивого мифа о настоящем дедушке Морозе и внучке его Снегурочке. С другой стороны в окрестных лесах

попадалось весьма много необычных растений, мелкой живности и вообще всякого такого интересного. И не беда, что однажды Афанасий Данилович объяснил на уроке биологии, дескать наличием всей этой флоры и фауны обязана Мышуйская полутайга расположенному невдалеке, километрах в пятистах отсюда Большому Полигону. Никакого полигона, равно как и хищных зверей, никто из ребят в жизни не видывал, поговаривали даже, что и нет его совсем, по крайней мере, теперь. А в школе любили рассказывать страшные истории о том, как дети ночью ходили на Полигон и не вернулись, о том как тамошние солдаты бесшумно расстреливают из лазерных пушек гигантских волосатых слонов, о том, как сам командующий спецвойсками генерал-лейтенант Водоплюев лично руководит ночными покосами «бешеной травы» и прочее, и прочее...

Но Петя Чугунов, как и большинство нормальных ребят, до Полигона дойти ни разу не пытался – не то чтобы страшно было, а просто пятьсот километров – это все-таки далеко-далеко. Петя все больше по опушкам бродил, по буеракам шарил, в овраги, заросшие густым можжевельникам спускался, тщательно обрыскивал каждый мшистый пенек, иногда и на деревья лазил в поисках гнезд на ветвях да в дуплах, а за сотню верст ходить – это был не его стиль. Петя и без того славился лучшим гербарием в городе и самой полной коллекцией насекомых. Предметом его особой гордости был гигантский жук-короед величиной с ботинок сорок шестого разме-

ра. Жаль, хитиновый покров получился слегка подпорченным, но ведь насекомое удалось поймать только благодаря мощной струе из углекислотного огнетушителя, баллончик же с нервно-паралитическим газом на эту тварь решительно не подействовал. И все-таки жучина выглядел необычайно красиво. На городском конкурсе работ юннатов у него были все шансы занять первое место. Были. Пока не появилась Верка Носова со своим – чтоб ей вместе с ним лопнуть! – чучелом ежа-альбиноса. Гигантский короед даже с треснувшим от замораживания панцирем был, конечно, великолепен, но это ж любому придурку ясно: с ежом-альбиносом сравнения он не выдержит. Еж оказался размером с хорошую собаку, морду, лапы и хвост имел тоже чисто собачьи, но вместо шерсти покрывали его действительно иглы, по величине и прочности не уступавшие сапожным. Ну а уж красные глаза альбиноса, заспиртованные отдельно – это был вообще улет! Победа Носовой ни у кого сомнений не вызывало.

Так за два дня до открытия городского конкурса юннат Петя Чугунов понял, что может проиграть, а он привык занимать всегда только первое место.

«И как только этой противной Верке удалось своего ежа изловить?» – раздумывал Петя, отправляясь на очередные поиски в одиночку. Юннат решил не тратить драгоценное время на всякие пустяки вроде увлекательного швыряния друг в друга тряпочных мешочков с мокрым песком или примитивного футбола до упаду – он сразу после уроков сменил

кроссовки на резиновые сапоги, форменный пиджачок – на штормовку, взял рюкзак да и двинул в самую глубь простиравшейся на восток полутайги. Дни стояли весенние, длинные, и если пообедать в пути взятыми впрок булочками с котлетой, то времени до темноты останется еще вагон. Вот только Веркин еж все не выходил из головы.

Сама-то она рассказывала, что альбинос повадился ходить к ним таскать цыплят, и смекалистая Носова поставила на вороватого зверя хитрую ловушку в сарае. Короче говоря, еж оказался оглушен ведром с водой, подвешенным к притолке на длинной веревке, пропущенной через подвижный блок. Якобы. Не очень-то верил Петя в технические таланты Носовой, по физике у нее одни тройки – какая уж там ловушка с блоком! Но факт оставался фактом: еж пойман и освежеван, а уж чучела-то Верка делать умела – это весь город знал. Экспонат теперь говорил сам за себя – весомо, грубо и зримо.

Чтобы отогнать прочь грустные мысли о еже, Петя стал вспоминать своего любимого героя-естествоиспытателя Паганеля и мурлыкал под нос его любимую песенку композитора Лебедева на стихи Дунаевского-Кумача: «Кто ищет, тот смеется, кто весел, тот добьется, кто хочет, тот всегда найдет!»

И ведь нашел же! Не комара, не птичку-задохлика, даже не ящерицу с тремя хвостами. Собственно на любую живность размером меньше тигровой жабы Петя Чугунов в этой

своей экспедиции вообще не реагировал. Однако возникший перед ним феномен заставил бы среагировать любого.

Собственно, еще непонятно было, кто кого нашел. Вначале раздался пронзительный свист, переходящий в бульканье, затем сверху посыпалась прошлогодняя листва, мелкие веточки, и вся эта труха мерзко защекотала спину под рубашкой. Петя инстинктивно отскочил в сторону, вжался испуганно в могучий ствол старого дуба. В тот же момент и ухнула неподалеку во мшанник большая закопченная кастрюля.

«Вертолетчики совсем оборзели, – подумал Петя Чугунов. – В рабочее время суп едят и пустыми кастрюлями вниз бросаются».

Какова же была радость нашего юного натуралиста, когда он увидел, что кастрюля отнюдь не пуста: крышка ее приподнялась, и оттуда показались вначале две мохнатых лапы, а затем и отвратительная морда диковинного зверька. Такого мутанта никто в Мышуйске еще ни разу не видел. Уж кто, кто, а Петя Чугунов мог поручиться за это. И ему теперь некогда было думать, зачем и каким образом это странное существо попало в кастрюлю. Теперь главное – не упустить!

Петя рванулся вперед, готовый творить чудеса голыми руками – вот она отчаянная храбрость настоящего естествоиспытателя! Опять же, применяя любое, даже самое примитивное оружие, ты всегда рискуешь попортить экспонат – первая заповедь юнната. Петя не знал, как среагирует на него это чудовище – нечто среднее между стареющей облезлой

совой и только что народившимся медвежонком. Зверь среагировал спокойно: издав лишь пару невнятных булькающих звуков, позволил в итоге схватить себя за шею и поместить в плотный полиэтиленовый пакет. Находчивый исследователь завязал пакет сверху узлом и опустил в рюкзак, который на всякий случай еще и плотно стянул веревкой, пропущенной в дырочки по краю.

Ну вот и все! Держись теперь, Носова!

Потом для очистки совести дотошный юннат заглянул в кастрюлю, однако не обнаружил в ней больше решительно ничего интересного. «Медвежачий совен» оказался единственным пассажиром этого кухонно-летательного аппарата. А слой липкой гадости, покрывавшей кастрюлю изнутри, напомнил Пете ненавистный мутно-розовый холодец с волокнами мяса. Мама готовила его по праздникам и всякий раз норовила накормить мальчика этим тошнотворным блюдом, коварно заливая его сверху вкусным майонезом, забрасывая салатом или свеклой с хреном. Да и запах из кастрюли исходил какой-то желатинно-крахмальный, так что Петя содрогнулся от омерзения и ухватив посудину за очень неудобную ручку в виде овальной ажурной сеточки, забросил в ближайшее болото. Гнилая вода поглотила тяжелую железяку выпустила на поверхность два больших пузыря, а потом как бабахнет! И целый фонтан пара вырвался из трясины.

Но Пете Чугунову и об этом некогда было думать. Ведь предстояла еще большая и очень серьезная работа по под-

готовке настоящего экспоната, действительно достойного занять первое место на городском конкурсе.

Домой Петя Чугунов вернулся в приподнятом настроении. Все случилось так быстро и удачно, даже папа с мамой еще с работы не пришли и волноваться не начали. Главное теперь было решить, заспиртовать будущий экспонат или двинуться по более сложному пути и все-таки сделать чучело. Конечно, чучело эффектнее. «Есть еще время, – решил Петя, – надо постараться».

Он извлек из сумки уже недвижимую тушку, разложил на столе и отважно приступил к препарированию. Года два назад, смешно вспомнить, он резал бесхвостых земноводных мышей и длинноухих лягушек простым швейцарским перочинным ножиком. Теперь в руках Пети Чугунова блеснул настоящий медицинский скальпель – подарок учителя Твердомясова с гравировкой на ручке. Вот только резать пернатого медведя оказалось нелегко. Кожа была плотной, словно резина автомобильной покрышки, а внутри ничего знакомого найти не удалось. Вместо сердца, кишок, печени и почек, было там сплошное беспорядочное переплетение отвратительных серых жил, скрежетавших под скальпелем, как медная проволока. «Эдак и инструмент попортить можно!» – ворчал себе под нос недовольный юннат. А потом он перерезал жилу потолще, и весь стол вмиг затопило маслянистой желтой жидкостью с резким и абсолютно незнакомым запа-

хом. Этот неприятный инцидент доканал Петю. Зажав нос бельевой прищепкой он тщательно вытер стол целой горой тряпок и свалил всю эту дрянь вместе с непонятными внутренностями в три больших пластиковых мешка для мусора, предусмотрительно вложенные один в другой. Надо отдать должное неведомой твари, внутренности ее очень легко отделились от стенок «резиновой» оболочки. Пока же оболочка просыхала, Петя решил побыстрее избавиться от невыносимого запаха. Ему подумалось, что логичнее всего вытряхнуть сами жилы в унитаз, а уж тряпки с пакетами вытащить во двор, где, по счастью, именно в это время горела подожженная кем-то помойка. Вряд ли запах дыма станет сильно противнее от Петинного не совсем обычного мусора.

Ну, а чучело «мутанта неопределенного» – такое загадочное название казалось юннату Чугунову наиболее романтическим – получилось на славу. «Шерстоперья», как назвал их пытливый исследователь, уцелели полностью, да и всем остальным диковинным частям тела Петя сумел придумать остроумные названия, У мутанта имелись в наличии необычайно забавные «губоуши», роскошный «носоклюв» в самом центре головы, а стоять ему надлежало гордо на пяти семипалых «ноговеерах» – этаких перепончатых лапах со множеством суставов и «когтешупами» на концах.

Готовое чучело умелый юннат водрузил на самую красивую подставку, какую сумел найти в доме – это была маляхитовая плита от старого дедушкиного чернильного при-

бора. По краю Петя приклеил табличку из плотного картона с каллиграфической надписью: «МУТАНТ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ. Обнаружен и препарирован П.Чугуновым, 13 лет, средняя школа N11 г. Мышуйска».

Уже на следующий день после проведения общегородского конкурса юннатов в местной газете поместили подробный отчет о его результатах. В заметке, занимавшей почти целую полосу, были например такие слова:

«Много интереснейших экспонатов увидели посетители конкурсной выставки и уважаемые члены жюри. Многие задерживались, например, возле останков крылатой жабы и скелета воробья с двумя головами. Никого не оставил равнодушным и представленный на суд зрителей экспонат шестиклассницы Веры Носовой – чучело гигантского ежа-альбиноса. Настоящее украшение выставки. И все-таки первую премию безоговорочно и единодушно вручили юннату Пете Чугунову из кружка при Доме пионеров (руководитель С.И.Пыжикова) – за чучело мутанта неопределенного. Оригинальность этого экспоната повергла в изумление и полностью обезоружила всех членов авторитетного жюри. Решением городских властей лучший юннат Мышуйска направлен на всероссийский конкурс в Москву. Пожелаем же настоящего взрослого успеха нашему юному земляку! Не только в столице нашей великой Родины, но возможно, и за ее пределами, на международных конкурсах».

Перечитав статью в газете трижды, Петя Чугунов удовлетворенно потер руки и засобирався в дорогу.

Вот только зря он собирался. Нефтяники Сургута недопоставили Мышуйску керосина в текущем квартале и все четыре самолета, имевшиеся в городском хозяйстве грустно стояли на приколе. Когда же не на шутку расстроившийся учитель Твердомясов, пользуясь старыми связями, выхлопотал на соседнем Жилохвостовском комбинате цистерну горючего, начались проливные дожди, невиданные в этих местах по апрельским понятиям, и взлетную полосу грунтового Мышуйского аэродрома размыло напрочь. Непогода бушевала все три дня, пока в Москве проходил всероссийский конкурс юннатов.

Небо расчистилось лишь в ночь на понедельник, и все, кто чудом не спал от половины третьего до десяти минут четвертого утра, имели счастливую возможность наблюдать, как сорок минут подряд в черном небе над Мышуйском все падали и падали крошечные зеленые звезды.

АНТИШАПКА

Михаил Шарыгин остановился перед входом в скромный деревянный храм, единственный действующий в Мышуйске, выстроенный года два назад на народные деньги при известной поддержке спонсоров из области и даже из Москвы. Строили православную святыню руками не претендующих на зарплату солдатиков из спецчасти генерала Водоплюева, доски и бревна Жилохвостовский леспромхоз подкинул чисто по бартеру, а всю церковную утварь, разумеется, тоже бесплатно предоставила патриархия. Так что от спонсоров больше шума было, народные же деньги, как всегда, пропили, не без помощи этих самых спонсоров. Доподлинно известно, что например сибирский золотопромышленник Зубакин лично подарил городу Мышуйску две упаковки сусального золота для покрытия куполов, притом, что всего таких упаковок истратили не менее сорока. А вот на банкете по поводу открытия и освящения храма в ресторане Центральном на улице Героев Мира (бывшей улице Героев Войны), Зубакин не только съел и выпил больше других, но и ухитрился потом перебить зеркала все до единого.

Однако же, несмотря на столь печальную (или наоборот веселую?) историю своего появления на свет, новая церковь, красовавшаяся аккурат напротив горкома, а ныне здания городской администрации, полюбились мышуйцам, и батюш-

ку, отца Евлампия знал в округе едва ли не каждый.

Шарыгин как раз и шел побеседовать со святым отцом. Облегчить душу от всего навалившегося за последнее время. Вопросов-то много возникало. Допустим, почему родной Мышуйск иногда начинает казаться совсем не родным? Почему порою он, Шарыгин, забывает собственное детство, а порою – наоборот – ощущение, как в той песне: «все что было не со мной, помню»? Почему люди вокруг узнают Михаила, как старого друга, а он их зачастую с трудом припоминает? Уж батюшка-то должен разъяснить, в чем тут дело. Кому же, как не ему разбираться в душе человеческой? К врачам Михаилу пока не хотелось, а например, глава администрации города Никодим Поросёночкин ничем Шарыгину не помог. Да и сосед по подъезду, признанный мышуйский философ, учитель биологии Твердомясов затруднился с ответом. Вся надежда оставалась на батюшку Евлампия.

Однако до священника дойти ему было в тот день не суждено.

– Мил человек! – окликнул Михаила нищий, стоявший на паперти с шапкой в протянутой руке. – Не откажи в помощи слепому.

Голос просящего звучал непривычно твердо, несколько даже грубовато и вместе с тем как бы иронично. Шарыгин не мог не остановиться. Посмотрел внимательно и сразу удивился как минимум двум вещам: хорошему почти новому костюму на попрошайке и его поразительной опрятности, не

соответствующей моменту. Ну кто ж в таком виде руку протягивает?.. Ба! Новое наблюдение озадачило еще больше – да в руке-то у человека дорогушая и практически неношенная ондатровая ушанка. А в ней зеленеет один новехонький доллар и несколько мелких монет поблескивает. Наконец, глаза у «слепого» были живыми, ясными и даже улыбчивыми.

Вообще-то, грех не подать такому чудаку, хотя бы для того, чтоб узнать о нем побольше. Шарыгин бросил в шапку рубль и поинтересовался:

– На храм, что ли, собираешь, приятель?

– Не-а, – отвечивал тот и честно признался. – На новую шапку.

Последней совсем уж абсурдной репликой самозванный слепой окончательно покори́л Михаила – любителя всяких парадоксов и загадок. Заинтригованный, Шарыгин спросил:

– А эта разве не новая?

– Ты не понял, мил человек, – улыбнулся псевдонищий. – Мое имя Прокофий Кулипин. Не слыхал? И эта шапка у меня неправильная получилась. Хочешь примерить? Тогда поймешь.

Шарыгин действительно не понимал ничего, однако от странного предложения не отказался, только недоуменно пожал плечами. И тогда его новый знакомый проворно ссыпал мелочь во внутренний карман, доллар аккуратно сложил пополам и отправил туда же, приговаривая себе под нос, что на пиво уже вполне хватит, а затем резким движением нахло-

бучил ушанку на голову Шарыгина.

В тот же миг все вокруг исчезло.

Нет, это совсем не походило на мгновенную потерю сознания и даже на внезапное ослепление. Все звуки по-прежнему слышались совершенно отчетливо, и в зрительном ряду осталась отнюдь не крошечная тьма, а некий желтовато-серый клубящийся туман, во все стороны, насколько хватал глаз.

– Э! – сказал Шарыгин.

Ноль эмоций.

– Э-э-э!! – добавил он длиннее и громче, уже ощущая подступающий страх. – Что это значит?

– А то и значит, – охотно принялся объяснять Прокофий, освобождая Шарыгина от столь необычного головного убора. – Я изобрел антишапку.

– В каком смысле «анти»?

– В самом прямом... Слушай, пойдем отсюда. Давай, что ли правда пива попьем. Смысла уже нет стоять. День сегодня такой неудачный. Пошли. А там и расскажу.

До популярного в городе пивбара «Пена дней» было от церкви всего два квартала. И Шарыгин сразу согласился: в конце концов, с батюшкой он всегда успеет пообщаться. А вот такого необычного персонажа другой раз и не повстречаешь!

В полутемном зале по буднему и относительно раннему времени было довольно пусто, даже нашелся свободный столик в сидячей части. Взяли сразу четыре кружки на двоих и

по первой выпили за знакомство. Прокофий оглоушил всю целиком, почти не отрываясь, как будто два дня по пустыне шел, а Шарыгин из своей потягивал медленно. Он никогда в жизни больше двух кружек зараз не выпивал. Так что торопиться было некуда.

– Так вот, мил человек, – начал свой рассказ Кулипин. – Зовут-то тебя как?

Шарыгин представился.

– Так вот, Миша. Был я с самого детства изобретателем. Чего только не придумывал: зубную щетку с часовым механизмом, то бишь со встроенным будильником, шарнир для флюгера с шестью степенями свободы, метод высушивания промокших бубликов, ботинки для хождения по крышам – уж всего и не припомнить! А сгубила меня идея вечного двигателя. Двенадцать лет на него потратил, а когда модель была полностью готова, оказалось, что это никому не нужно. Городские власти поглядели и говорят: «Значит, ты хочешь этот гончарный круг на фабрике поставить и глиняные горшки производить? И получается что горшки будут продаваться, а электроэнергия потребляться не будет?» «Да что там горшки! – говорю. – Можно точно так же без электричества токарный станок запустить». «Того хуже, – отвечает заместитель главы администрации по вопросам промышленности. – Значит, пойдет машиностроительная продукция. Мы ее продаем и начисляем налог на добавленную стоимость. Этот налог благополучно переходит на расходную часть, в

частности, на ту же электроэнергию. Энергетики гонят НДС дальше – неразрывная цепочка. А если станок не будет ничего потреблять, цепочка нарушится. Государство недополучит налогов, а бухгалтер на заводе сойдет с ума. Вы понимаете, товарищ Кулипин, что вы натворили?!» Заместитель главы администрации, когда нервничал, всех вокруг называл по старинке товарищами. Я тогда ничего не понял, про этот их НДС. «Ладно, говорю. Не надо, так не надо». Тот круг в моем сарае, наверно, до сих пор вертится, я только не наезжал туда давно, а раньше бывало еще цветочные горшки на нем делал и на городском рынке, то бишь на вернисаже, продавал. Ни разу меня там не видел, Миша?

– Нет, – сказал Шарыгин.

Он терпеливо слушал, ожидая, когда же разговор подойдет непосредственно к шапке.

– Так вот, – продолжил Прокофий своей обычной сказкой. – После того двигателя окаянного я и понял, что надо не у физики проклятушей идеи заимствовать, а черпать мудрость из народной кладези. Сказки – ложь, да в них намек... В общем, я по этим намекам, как по чертежам, очень внимательно прошелся и рецепты многих чудес до мельчайших деталей выявил. Первым моим патентом стали сапоги-скороходы. По расчетам, человек в кулипинских сапогах должен был передвигаться в сто раз быстрее обычного, то есть примерно со скоростью реактивного самолета. Опасно это? Разумеется, опасно, потому я и заложил в устройство

некий блокочек, названный мною «антифактум» (от греческого *anti* – против и латинского *factum* – поступок). И надо полагать, я так серьезно задумался о безопасности, что антифактум получился у меня лучше самих сапог. Человек их одевший имел возможность передвигаться в сто раз... но не быстрее. А медленнее. Зачем такое нужно? Кроме меня, наверно, никто бы и не додумался. А я предложил свои сапоги на автомобили ставить параллельно с колесами. Представляешь, за секунду до аварии антискороходы упираются в асфальт и экстренно тормозят движение. Я даже название красивое придумал: русская АБС или АБС-Р – автоматические блокирующие сапоги «Русь». Изобретение так и не внедрили – сказали дорого слишком. Ну, так я за новое взялся!

Про скатерть-самобранку все слышали? Ну, конечно. Об изобилии не мечтал разве только тот, кто есть никогда не хочет. Но если изобилие неуправляемое... Понимаешь ли, Миша, это как тот самый чудовищный горшочек каши у братьев Grimm. Короче говоря, опять мне антифактум понадобился. И похоже, эта шутка начала жить собственной жизнью. Скатерть моя, точнее антискатерть получилась не самобранкой, а самоубиралкой. Развернешь ее – на ней пусто. Зато все, что поставишь и положишь, даже прольешь – немедленно исчезает при свертывании. Казалось бы, опять – бессмысленная вещь. Ничего подобного! Это же универсальный утилизатор-ассенизатор! Мечта всех экологов. Ну, бегал я как ненормальный по всем городским помойкам и мусор с них

собирал. Эффективность у антискатерти была потрясающей. Доложил начальству. Пригласили продемонстрировать. Высокая комиссия собралась. Все на антискатерть мою плюют, окурки бросают, бумажки, кофейную гущу из чашечек выливают, а завхоз горкомовский даже дохлую мышь принес, специально чтобы женщины повизжали. Но это он зря старался, потому что женщинам повизжать еще предстояло капитально. Едва антискатерть дохлого зверька в себя всосала, случилось нечто непредвиденное. Как я теперь понимаю, антифактум мой перегрелся – ну, сколько можно? – мощность его я на глазок прикидывал, а тут... В общем, эксперимент есть эксперимент. В один миг антискатерть-самоубиралка в натуральную самобранку превратилась. Если не сказать, в рог изобилия. Только, сам понимаешь, Миша, посыпались-то из нее не яства заморские да вина, а потекло нескончаемой рекой содержимое всех помоек города Мышуйска, по которым я с такой любовью трое суток лазил.

Как остановить скатерть, никто не знал. В том числе и я. Сотрудники в панике эвакуировались, из соседнего кабинета успели милицию вызвать, прежде чем стены рухнули, а милиция сразу догадалась, что простому наряду оперативников с происходящим не справиться не в жисть и пригласили подкрепление – спецназ генерала Водоплюева. Но когда подъехал взвод особого назначения, им уже оставалась только самая нудная и грязная работа – завалы разбирать. Скатерть моя к тому времени выдохлась. А жертв, к счастью, не было.

Вот так. После этого случая меня и...

Несчастный изобретатель замялся, и Шарыгин сочувственно полюбопытствовал:

– В тюрьму отправили?

– Да нет, зачем в тюрьму... Впрочем, об этом позже. Ты слушай главное. Я теперь придумал новую вещь, не для людей – ну их всех в баню! – только для себя. Я придумал шапку-невидимку. Сам понимаешь, сколько преимуществ у невидимого человека, но и минусов хватает. Старика Уэллса все читали, знаем. В общем, и на этот раз без защитного блока моего работать не хотелось. Но антифактум окончательно озверел. Вместо шапки-невидимки сделал он мне в чистом виде антишапку.

– Что, – удивился Шарыгин, – она позволяет видеть невидимые предметы?

Увлечшись рассказом, он и позабыл, с чего все началось.

– Если бы! – вздохнул Прокофий. – Не я стал для всех невидимым, а все и всё стали невидимыми для меня.

– То есть ты попросту ослеп? – догадался, наконец, Михаил.

И вмиг вспомнился клубившийся у него перед глазами желтовато-серый туман.

– Вот именно. И, пожалуй, это было первое мое изобретение действительно бесполезное. Если не сказать вредное.

– Разве что применить его как оружие, – задумчиво проговорил Шарыгин. – Допустим, в порядке диверсии поста-

вить партию таких шапок армии вероятного противника. Вот оно, настоящее российское шапкозакидательство!

Михаил допил уже вторую кружку и как-то незаметно для себя принялся за третью. Только этим и можно было объяснить столь нехарактерную для него идею. С чего бы иначе вошло в голову?

Прокофий посмотрел на собеседника мрачно и даже осуждающе. Судя по всему, он был убежденным пацифистом.

– Водоплюевская разведка уже не раз ко мне подгрребала со всякими недостойными предложениями. Но я на войну никогда не работал и работать не буду! – гордо заявил Кулипин. – Ну ладно. Шапка, конечно, не удалась, зато я понял, как работает антифактум и что надо сделать для исправления всех моих изобретений.

– Неужели понял? – не поверил Шарыгин.

– Мамоёй клянусь, – как-то очень трогательно отозвался Прокофий. – Только это все очень дорого – исправления вносить. Понимаешь? Вот я и начал деньги собирать. От властей же субсидий не добьешься! Зиму проходил в шапке, привыкал все делать не видя, с палочкой, на ощупь. Люди меня жалели, хотя и знали, что слепой я бываю только в шапке. Хорошие у нас люди в Мышуйске! Для подаяний пришлось вторую шапку купить, а то если каждый раз снимать ее, уж больно страшно выражение лица меняется. Вот смотри!

Изобретатель надел шапку, и глаза его вмиг остановились,

сделавшись пустыми и как будто даже мутными, снял – все вернулось к прежнему состоянию.

«Да, с такими жутковатыми стекляшками вместо глаз побираться можно», – понял Шарыгин.

– Ну а весной, – продолжал Прокофий, уж больно жарко стало в шапке. – Хожу так. Вот и подают меньше. Хотя, казалось бы, какая им разница? Все же знают, на что я собираю, только ты вот один и выслушал меня со вниманием. Ну да ладно. Пора мне.

– И мне пора, – согласился Шарыгин. – Хватит уже пьянствовать. Тебе в какую сторону?

– Да мне тут два шага. Солдатский Шум знаешь?

– Это там, где больница?

– Ну да. Я же у Вольфика и живу.

– У какого Вольфика? – не понял Шарыгин.

– Э, мил человек, да ты, видать, совсем новенький в нашем городе! Пошли. Проводишь меня, заодно и посмотришь какие люди у Вольфика живут. А я по такому случаю в шапочке пройдуся, давно, черт возьми, слепым не был!

До улицы с загадочным названием Солдатский Шум было и впрямь недалеко. Но внутрь Шарыгин идти передумал. Не захотелось ему смотреть, «какие люди у Вольфика живут». Потому что Прокофий привел его ко входу в больничный корпус с недвусмысленной табличкой «Центральная Мышуйская психиатрическая лечебница им. Вольфа Мессинга». Навстречу им вышел небывалого роста медбрат в устра-

шающем темно-зеленом хирургическом костюме и, добродушно улыбнувшись, пробасил:

– Большой Кулипин, почему опаздываете к ужину? Не иначе, опять пиво пили? Нехорошо!

И когда Прокофий, торопливо попрощавшись, скрылся внутри, Шарыгин в растерянности любопытствовал:

– Простите, а как же это... психически больные – и по городу гуляют?

– Вы, должно быть, недавно в Мышуйск попали, – смело предположил медбрат. – Поживете здесь еще чуть-чуть и все поймете. Мы к людям гуманно относимся, не так, как в других больницах.

В этот момент двери лечебницы открылись, и на ступени парадного входа вышел батюшка, отец Евлампий – при всех регалиях.

– Здравствуйте, – сказал Шарыгин, замороженно глядя на сияющий в лучах солнца золотой крест на груди священника и уже готовый воспользоваться случаем для серьезного разговора.

Медбрат однако опередил Михаила, обратившись к батюшке с вопросом:

– Ну как, отец Евлампий, все в порядке? Вы уж не забывайте, пожалуйста, что это только первая часть нашего курса лечения. Вам бы хорошо в следующий раз деньков на пять к нам лечь.

– Конечно, конечно, – согласился батюшка, – на будущей

седмице – обязательно.

Шарыгин проводил священника совершенно обалделым взглядом и еще не сообразил, что сказать, когда медбрат заботливо поинтересовался:

– А кстати, вы сами-то ничего не изобретаете? Или, может, вас странные вопросы одолевают? Сомнения какие-нибудь? Так вы заходите, не стесняйтесь. Мы всем помогаем.

Из переулка, сбегаящего к реке, налетел внезапный порыв ветра, словно поторапливая Шарыгина.

– Спасибо, – сказал он и, развернувшись, быстро-быстро зашагал прочь.

РОДОСЛОВНАЯ

Была у студента третьего курса Кеши Пальчикова одна заветная мечта.

Нет, были, конечно, и другие мечты, например, стать великим хирургом и научиться пришивать давно оторванные конечности работникам родного железнодорожного депо; или встретить на жизненном пути любимую девушку и поехать вместе с нею отдыхать на озеро Чад. Но это были просто мечты, а заветная – только одна: докопаться однажды до своих корней, до предков своих дальних. До пращуров. Методом опроса ближайших родственников удалось Кеше уточнить лишь полные имена одного деда, да двух бабушек, но бабушки его как раз мало интересовали, ведь одна имела фамилию Алексеева, а другая – Николаева. Скучно это все. По-настоящему увлекала юного Иннокентия только линия его деда по отцу – тоже Иннокентия Дмитриевича. Однако кто такой был Дмитрий Пальчиков старший, родившийся еще в прошлом веке – никак, ну, никак не удавалось выяснить. Да и где выяснять? Городской архив сгорел дотла, сказывали, еще в войну, когда в него фашистская бомба угодила. Да и было ли что в этом архиве, неизвестно.

Сам Кеша лично детство провел в Ленинграде, отец его и мать привыкли называть себя псковитянами, а вот дед как раз родился в Мышуйске. Так, во всяком случае, расска-

зывал Кеше отец, когда они все вместе вернулись в «город предков». Однако многие друзья и соседи считали это не более чем красивой легендой. История Мышуйска – вещь сама по себе загадочная. Военные из спецчасти генерала Водоплюева, а также милиционеры и все люди, близкие к городским властям, вообще уверяли что городу лет пятьдесят, максимум семьдесят, что возник он посреди дикой *полутайги* возле Объекта 0013 «с целью создания приемлемых условий жизни для персонала всех учреждений, занимающихся изучением Объекта». А на вопрос, откуда же в Мышуйске столько старинных зданий и в частности Университет, на котором красовалась табличка «Памятник архитектуры восемнадцатого века. Охраняется государством», военные, не моргнув глазом, докладывали: «Все эти здания возведены были при Сталине исключительно на предмет конспирации и камуфляжа.

А меж тем любители старины, такие, например, как школьный учитель Твердомясов или аспирант кафедры анатомии Коринфаров специально исследовали храм Николая Угодника, что на Свинячей горке и доподлинно выяснили: да, перестроена сия церковь в конце семнадцатого века после набег на Мышуйск Лжедмитрия Второго, а фундамент, вне всяких сомнений, заложен еще в одиннадцатом веке, то есть задолго до татаро-монгольского нашествия. Кеша Пальчиков был внутренне убежден, что правда на стороне интеллигенции, а не военных, и неистово мечтал раскопать всех

своих предков до двадцатого колена и доказать миру, что жили они именно в этом городе, на его исторической родине.

В тот вечер Иннокентий Пальчиков задержался на кафедре анатомии дольше обычного. Аспирант Евдоким Коринфаров, которого никто не звал Кимом, а величали все поголовно только ласковой кличкой Дока, позволил студенту поработать на новом пентиуме – компьютере с самой мощной в Мышуйске конфигурацией. Кому пришло в голову закупать на кафедру анатомии это электронное чудо, неизвестно, но поработать на нем становился в очередь весь университет. Одним словом, Коринфаров должен был делать какие-то об-счеты в ночную смену, после полуночи, а Кешу по знакомству запустил начиная с восьми вечера. И все бы здорово, да только минувшей ночью парень практически не спал, к за-чету готовился, и теперь, когда за окном совсем стемнело, а в лаборатории было тихо-тихо, Кешу начало отчаянно кло-нить ко сну.

Он как умел боролся с подступающей слабостью. Обидно же – не использовать такой шанс! Уперев локти в стол, он держал голову обеими руками, боясь уронить ее на клави-атуру и устроить на экране жуткую путаницу вместо четко разрисованных и аккуратно подписанных костей челове-ского скелета.

– Любезнейший! – вдруг раздалось у Кеши за спиной. – Вы сюда, между нами говоря, делами серьезными занимать-ся пришли или так, из праздности одной время убиваете?

Обороты речи были непривычно витиеватыми, да и голос незнакомый, хоть и приятный.

Пальчиков обернулся вместе с удобным офисным креслом, но решительно никого не увидел в лаборатории, а вот учебный экспонат – скелет человека – стоял теперь почему-то не слева от компьютера, где было удобно рассматривать каждую косточку, а аккуратно за спиной, откуда только что и раздалась (или померещилась?) странная реплика. Кеша не успел встать и передвинуть его на место, так как скелет предупредительно поднял правую костлявую руку и, зашевелив нижней челюстью, произнес:

– Да, да, милейший. Это именно к вам я и имею честь обращаться.

– В-в-вы? Ко мне? – еле вымолвил Пальчиков, пугаясь не столько вида говорящего скелета, сколько своего непонятного спокойствия в этой ситуации.

– А к кому же, милейший? Если у вас, допустим на мгновение, возникли серьезные проблемы, поделитесь. Смелее, молодой человек! Чем черт не шутит, глядишь, и я помочь сумею. Если же так, лодырничать изволите, дома перед телевизором не спится – тогда прошу покорно: освободите дефицитное рабочее место. Мне тоже трудиться надобно. А то, не ровен час, наш общий друг Евдоким Коринфаров заявится.

Все-таки речь его была удивительно нездешной. Гладкой и какой-то очень уютной, завораживающей. Некогда стало Пальчикову размышлять, спит он или бодрствует, нужно ли

ему щипать себя за руки и за щеки, стоит ли, наконец, рыскать по углам в поисках швабры насаженной на осиновую палку – хотелось просто поговорить с этим таинственным персонажем.

– А позвольте узнать, – заражаясь манерой собеседника, начал Кеша, – как, собственно говоря, намерены вы трудиться, если вы, простите, не более чем скелет?

– Да очень просто! – улыбнулся скелет. (Впрочем, он ведь непрерывно улыбался.) – Головой буду работать и руками. Главное – не мякоть, главное – крепкий костяк. Заметьте: это мой собственный афоризм. А я на свете белом вот уж без малого две сотни лет живу, и то, что сегодня – в силу известных обстоятельств скелетом подрабатываю, – так это особая история. Между прочим, молодой человек, ничего постыдного в нынешнем своем положении я не усматриваю. Даже напротив, массу преимуществ наблюдать смею...

– Сколько?! Сколько вам лет? – непочтительно перебил Кеша, словно только теперь осознав сказанное.

– Знаю, что трудно поверить, знаю. А ведь я, милостивый государь, первым экспонатом был в этом высокопросвещенном учреждении. Оно же еще при матушке Екатерине Великой создавалось, императрица лично на открытии Мышуйского Университета присутствовали, а я в тот самый день и завещал использовать бречное тело свое на благо естественных наук и процветания России. Когда же в 1830, уже при Николае, стало быть, Палыче душа моя отлетела – хе, хе! – в

виртуальный мир, я и оказался вот в этом непосредственно углу. Много с тех давних пор воды утекло, много хозяев у этой комнаты переменилось...

– И как же, простите, ваша душа обратно из виртуальной реальности к нам вернулась? – Кеша уже сгорал от любопытства.

– Не спешите, мой юный друг. Я же об этом вам и рассказываю. Только всему свой черед. Так вот, самым славным хозяином сего кабинета был доктор Поликарп Ильич Укропов. Пятьдесят шесть годков тому назад принял он в руки свои все это хозяйство, и с упорством воистину подвижническим разрабатывал одну феноменальную гипотезу. О том, мой юный друг, что в костях человека веками могут сохраняться так называемые «генетические споры». Ну, то есть ДНК особого типа, хранящая полную информацию о всех живых клетках организма, в том числе и о клетках головного мозга. Доктор Укропов изобрел уникальную методику полного восстановления центральной нервной системы на базе имеющегося костного остова, а через это – нота bene, милейший! – чисто теоретически становилось возможным воскрешение личностей давно погибших индивидуумов. И не хватало Поликарпу Ильичу какой-то малости. Все методы химического воздействия были испытаны от и до, оставалась теперь только лучетерапия, то есть всяческая зловредная радиация. Эксперименты затянулись, доза, полученная стариком Укроповым, накапливалась, и однажды, рискнув увеличить

мощность облучения, он пренебрег плотностью отраженного и рассеянного потока. Сердце профессора не выдержало.

А вот на меня эта самая радиация подействовала, наконец-то, благотворно – я проснулся. Точнее, проснулись во мне пресловутые генетические споры, процесс пошел с каждым днем все активнее, ДНК-то оказалась саморазвивающейся молекулой... Да вы же медик, любезнейший. Слышали, наверно, о подобных вещах, но говорят-то все больше о динозаврах, да о мамонтах. И кому они, эти чудища, прости Господи, надобны? Куда важнее бессмертную человеческую душу к жизни вернуть. И вот, любуйтесь, пожалуйста: я стою здесь, перед вами, и мы беседуем, как Герцен с Огаревым.

Кто из них Герцен, а кто Огарев, Кеша решил не уточнять, и прогнав в очередной раз назойливую мысль: «Дозанимался, приятель, со скелетами разговариваешь!», щипать себя опять-таки не стал, а задал очередной вопрос, точнее сразу два. Первый – очевидный:

– Неужели вы никому до меня ничего о себе не рассказывали?

И второй – не дожидаясь ответа, с надеждой («Значит, не случайно все, значит, что -то роднит нас – этого загадочного скелета и меня, Кешу Пальчикова!»):

– А над чем вы, собственно, работаете, уважаемый?

– Э-э, милейший! Отвечаю по порядку. Никому я о себе не рассказывал. Да и зачем? Помощь мне никакая не нужна. А сам – кому я могу быть полезен? Умникам высоколобым?

Так ведь нагонят сюда, окаянные, всяческих экспертов, замучат тестами, сделают из меня подопытную свинку, а в душу бессмертную наплюют... Вы же человек, хоть и молодой, но с пониманием. Я это чувствую, а главное, интересы у нас с вами общие. Неужто не догадались? Я же большой знаток и ценитель ее Величества истории. Люблю, знаете ли заглянуть вглубь веков, опуститься вниз по корням собственного генеалогического древа. Дабы ощутить в полной мере аромат ушедших эпох и вместе с легендарными...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.